

Зона театрального риска

Режиссер Нина Чусова считает Чулпан Хаматову своей единомышленницей

Межависемья. - 2005. - 15 апр. - с. 13, 15.

Елена Кутловская

В 2001 году Нина Чусова оканчивает режиссерский факультет ГИТИСа и сразу вливается в столичный театральный бомонд. За пару лет она делает головокружительную карьеру: на ее спектакли невозможно достать билеты, ее осыпают премиями – сначала она лауреат «Чайки», а в 2003 году – молодежной премии «Триумф». Поставив в «Современнике» спектакль «Мама-папасынсобака», Чусова приобрела статус модного режиссера. Следующая ее работа – «Гроза» по пьесе А.Островского – привлекает внимание не только критиков, но и великих мира сего. Казалось бы, удача больше не изменит молодому режиссеру. И Чусова смело берется за постановку «Тартюфа» в МХТ. Все с нетерпением ждут премьеры. Зал замирает от экстравагантных мизансцен, но критики безжалостно называют «Тартюфа» самым плохим спектаклем сезона. На неудачу Чусова реагирует спокойно и продолжает работать.

– Нина, вы любите рисковать?

– Да. Причем если уж рисковать, то до предела. Если бы я не рвалась все время вперед и не совершала необдуманные поступки – меня бы в Москве не было. Я могла бы не доехать до театральной столицы, оставшись в Воронеже или в Самаре. А могла бы вообще остаться для всех невидимой.

– Самый необдуманный поступок, который вы совершили за последние годы?

– (Машет рукой.) Я окончила школу с золотой медалью, и моя мама хотела, чтобы я стала врачом, как и она. А мне всегда хотелось быть артисткой – это уже необдуманный выбор. Что за профессия такая – артистка? Ну а как только я необдуманно пошла в артистки, меня потянуло на другой сумасшедший поступок – в режиссуру. Когда я окончила ГИТИС – это был 2001 год, – надо было устраиваться на работу в театр, но нас туда не очень звали. Это обычная история. И я сама пошла к Константину Райкину, притащила его на свой спектакль «Затоваренная бочкотара».

– Как же вы его уговорили?

– У меня мощная сила убеждения. Вот мне надо – и все, я

должна любым путем свое «надо» получить.

– Что сказал Райкин после просмотра вашего студенческого спектакля?

– Пригласил меня поставить в «Сатириконе» «Гедду Габлер». Потом я каким-то образом договорилась с Алексеем Бородиным, чтобы он перенес другой мой дипломный спектакль, «Шинель», на сцену Российского молодежного театра. И процесс пошел. Самое сложное – начать! Первая репетиция – тяжело, первое знакомство – ужасно тяжело! Но потом как-то привыкаешь и начинаешь спокойно жить в предлагаемых обстоятельствах. Я знаю многих талантливых ребят, которым не удалось правильно начать, и они «слетели» на обочину.

– Сколько вам было лет, когда вы начинали свою театральную жизнь в Москве?

– Мне? Да не помню уже. (Заливается смехом.) Я очень давно живу, знаете ли. Хотите, скажу, почему я регулярно рискую? Всю жизнь я считала себя трусихой! Боялась всего, чего можно, да и чего нельзя – тоже боялась! Сегодня я довольно раскованный человек, небоязливый, и это результат преодоления собственных комплексов.

– Вам не кажется, что чрезмерная раскованность – тоже комплекс?

– Наверняка. Но я сейчас успокоилась. Сейчас у меня уже другое состояние. И риск пошел другого рода – крупнее!

– Может быть, ваши профессиональные неудачи, например спектакль «Тартюф» в МХТ, связаны с переоценкой собственных возможностей?

– Это в корне неверная позиция. Что значит удачный спектакль или неудачный? Для критиков – это лишь слова, а для меня – жизнь. Любой спектакль – это мой личный опыт! А опыт всегда приносит пользу. К тому же, после того как спектакль вышел и его не очень горячо приняли, у меня не возникает возгласа: «О боже, я сделала такой шедевр, а меня никто не понял!» Я адекватно к себе отношусь. Не бывает, чтобы все в одном спектакле было гладко. Раньше было обидно. Но как только я поняла, что «опыт – сын ошибок трудных», я успокоилась. Теперь делаю только то, что хочу, и никогда не работаю из-под палки.

– Многие молодые режиссеры ставят спектакли то в одном театре, то в другом. Почему?

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

Нина Чусова: «Хоть горшком назовите – только в печь не ставьте».

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Зона театрального риска

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

– Мне кажется, такое «безобразия» оттого, что мое поколение – это не поколение единомышленников. Как сложился МХТ, как сложился «Современник»? Из единомышленников. Сейчас у каждого своя точка зрения, своя система взглядов... Мы вроде бы все дружим, но никогда не составляем друг другу творческую компанию. Мы – по разные стороны. Это переходный период, потому что мы живем в эпоху становления новых идеологических, этических, эстетических ценностей. Сегодня никто не знает, в каком направлении двигаться, где и в чем искать истину. Каждый движется в одиночку и почти на ощупь.

– То есть вы поколение «ежиков в тумане»?

– Похоже, что да. Например, я не знаю, где мой театральный дом. Я его не вижу. Перемещаясь из театра в театр, я пытаюсь найти «своих» актеров, и если хотя бы два единомышленника найдутся – буду счастлива!

– Уверена, что вы нашли уже человек пять как минимум!

– Давайте посчитаем. Паша Дервянко, Чулпан Хаматова, Вика Исакова, Саша Урсуляк, Даша Мороз... Набирается команда.

– Что между вами общего?

– У нас одинаковый взгляд на мир и на актерскую профессию. И еще: «мои» актеры – не циники.

– Но когда вы работаете с классическим репертуаром, вы достаточно цинично его препарируете.

– А мне кажется, что все наоборот. Когда я работаю над каким-то классическим материалом, у меня внутри постоянно присутствует ощущение, что я веду с ним ежесекундный диалог. Я пытаюсь понять автора, взглянув на его мир своими глазами. И я никогда не отрицаю, что ставлю исключительно мое понимание драматургического материала. Согласитесь, что немалый риск – во все без исключения времена – обнародовать свою точку зрения.

– Соглашусь. Но вот уверены ли вы, что ваши глаза не косят? Или что у вас нет близорукости?

– Уверена. Потому что в противном случае автор начнет со-

противляться и ничего из моих творческих фантазий не получится. И вообще – насколько мы можем быть в жизни в чем-то уверены? Кто мне точно скажет, что именно имел в виду Гоголь в «Ревизоре»? Где истина? В том, как о Гоголе писали его современники? Но их критиче-

Никогда не работаю из-под палки

ские статьи – тоже совсем не-гоголевский взгляд. Получается, что правды нет нигде! И в таком случае что за претензии к молодым режиссерам?

– Вы относитесь к группе модных московских режиссеров...

– Это журналисты меня куда-то относят. Переставляют с места на место. Сначала меня называли талантливым имитатором, потом – модным режиссером, потом культовым... Хотя горшком назовите – только в печь не ставьте. Я очень люблю свой спектакль «Гроза». И когда появились первые неприязнен-

ные отклики на него – мне было обидно. В «Грозе» я ни разу не солгала – ни себе, ни другим. Я делала все предельно честно – и как художник, и как человек.

– Говорят, вы любимый режиссер Людмилы Путиной, ваш спектакль «Гроза» по-

нравился президенту. Вам такое положение вещей нравится?

– Не скрою – мне приятно. Хотя, ей-богу, присутствие Путиной на спектакле «Гроза» людей волнует больше, чем меня. Когда Путин пришел на премьеру – вы думаете, мы об этом знали? Нет. Ну да, нас пригласили в ложу, мы выпили шампанское, и нас поблагодарили. Но внутреннего пафоса – типа, боже, какое счастье, царь-батюшка пожаловали – у нас не было! Мы были переполнены другим событием – премьерой! Да, мне приятно нравиться семье пре-

зидента, но мне также приятно, что мои спектакли любит смотреть Алла Пугачева. Однако я не ощущаю себя облаканной властью. Вот если бы мне кто-то «сверху» дал квартиру или денег!

– А у вас до сих пор нет своей квартиры?

– Нет, конечно. В газетах пишут, что я деньги лопатой гребу, а на самом деле театр – это не заработок. Это – хобби.

– Кино бы сняли, подзаработали. Сейчас все кино снимают – и критики, и певцы, и актеры...

– Пока нет времени. Но я обязательно буду снимать кино. Правда, для этого надо оторваться от театра, который меня буквально поработил! Меня все спрашивают: как ты можешь репетировать сразу два спектакля? А я ничего не могу с собой сделать. Ни секунды не могу без театра. Надо срочно

остановить себя, а у меня в голове «Алиса»...

– Вы хотите поставить «Алису в стране чудес»?

– Да, но пока не буду раскрывать секретов. Скажу одно: я хочу сделать спектакль для детей круче, чем для взрослых. Хочу таких спецэффектов!.. Та-ко-го хочу!.. Но я ношусь с этой мечтой уже три года, а денег ни у кого нет. Все считают, что детский спектакль можно сляпать за два месяца. Причем на остаточном бюджете. А я хочу – настоящую сказку! Если в детстве маленькие человечки узнают, что такое улететь от восторга к звездам, дальше у них больше никогда не будет серых будней и серых вопросов: почему колбаса? Именно в нежном возрасте формируется все! И будущее страны тоже.

– Есть мнение, будто режиссер может поставить даже телефонную книгу.

– Это правда. Для меня вообще нет неодушевленных предметов. Весь мир живой – он движется и дышит.

– Вещи и мебель в доме воспринимаются вами как-то особенно, как театральная декорация?

– Дома приходится отвлекаться от театра и сидеть на обычных стульях и за обычными столами. Хотя весь мой дом наполнен символами. Одно время у меня было религиозное настроение, и вся квартира была уставлена иконами. Потом произошел резкий поворот, и дом заполнили маски, куски дерева...

– Великая Сара Бернар не прерывала театральную жизнь ни на секунду. Она даже спала в деревянном гробу, на котором было красиво выписано ее имя...

– Ой, слушайте, наверное, она думала, что она – вампир! Это болезнь. Мы все периодически страдаем подобными болезнями. Я поймала себя на мысли, что хожу только в восточных халатах. Надо развести границы между театром и жизнью. Собственно, все депрессии у нас только оттого, что мы переносим какие-то театральные страсти в жизнь. Я стараюсь уходить от всего этого – собираюсь и куда-нибудь уезжаю. Недавно была на Кубе! Там такая фантастическая необузданная сила природы, что вся театральщина

из головы выдувается. Мы с друзьями сняли машину и колесили по всему острову. Наша жизнь каждое утро начиналась с глотка рома, потому что воспринять кубинскую действительность в нормальном состоянии невозможно – она сводит с ума! Кубинцы ничего не едят. Пьют ром и сигары курят. Никто не работает! Ничего в стране не происходит! Интернета нет. Что-то сломалось и надо починить – никого не найдешь. Все отдыхают. И телевизор плохо показывает. Так что в конце месяца нам было все равно – во что одеться и как выглядеть: платком обернулся и пошел! О каком театре речь? Происходило вычищение мусора из головы, из души.

– Ваш главный жизненный принцип?

– У меня вообще нет принципов. Разве что один: я не общаюсь с людьми, которые мне не симпатичны. И еще: нужно уметь быть гибкой. Надо не давить на человека, а потихоньку его скручивать. А в общем у меня сейчас очень хорошее настроение. Мне кажется, что я горы могу свернуть! ■